

К.Лукашевич

Переписка трех подруг.

I

Письмо от Наташи Славиной

к Дези Островской

Моя милая, дорогая Дезичка, вот уже две недели, как мы уехали из института, а я все еще не собралась написать тебе, хотя обещала сделать это первая. Не обижайся, пожалуйста, душечка, мы с сестрой до сих пор не можем опомниться от безмерной радости, что мы дома.

Я обещала тебе писать подробно обо всем и охотно начну с самого начала. Папа нас встретил на станции. Выглядывая из окна вагона, мы еще издали увидели его и страшно обрадовались. Затем попили на станции чайку и двинулись в тарантасе дальше. От станции до нашего имения ровно 70 верст. Семнадцатого мая под вечер мы уже подъезжали к нашей милой родной "Хижинке". Я не умею тебе описать, что мы всегда испытываем, когда из-за зелени выглянет крыша нашего дома, и еще далеко-далеко мы увидим мамочку, идущую нам навстречу...

Мне всегда кажется, что от счастья и радости у меня разорвется грудь и выпрыгнет сердце. Мне хочется целовать и обнимать деревья, кусты, цветочки, землю, и если бы можно было достать, то и небо. Мы делаемся с сестрой точно сумасшедшие. Едва завидев дом, мы выскакиваем из тарантаса. Мы не можем сидеть. Нам кажется, что лошади бегут слишком медленно и что добежать можно скорее. Плача и смеясь от радости, мы бросаемся мамочке на шею, целуем ее руки, лицо, грудь, спину, платье и долго не можем прийти в себя. Ах, милочка, какое счастье быть дома и видеть постоянно мамочку, папу, братьев. Трехлетний Павлуша нас не узнал, и, говорят, как завидел, так закричал своей няне: "Надевай мне скорее чистую рубашку, -- чужие девочки приехали". Как же мы целовали и тискали нашего родного братишку! -- он только взвизгивал да отбивался.

По случаю нашего приезда были напечены пироги и чудесные пышки с вареньем. Мы порядочно-таки всего поели, а наша радость-мамочка только нам подкладывала и смотрела на нас, улыбаясь, и гладила и обнимала то одну, то другую, а у самой глаза были полны слез.

Хотя было поздно, новы все-таки побежали все осмотреть. Побыли на скотном дворе, скотница у нас новая, а пастушка старая -- Марфа живет уже давно, и мы ее очень любим. Лиза подарила ей шелковый синий лоскуток и ленту на повойник, и она была очень рада. Затем мы побежали в сад к пруду, в сарай, в ригу, на гумно, а из-под бани вытащили кошку с котятками; целых пять котеночков. Такие душки! Мы с сестрой выбрали себе по одному серенькому. Я назвала своего Трусик, потому что он, бедненький, ужасно нас испугался и долго дрожал. Лиза своего назвала Усач, -- у него очень длинные усы. Скажу тебе еще большую радость: у нашей дворовой собаки Лыски есть щенок -- толстый, неповоротливый и очень смешной. Мы его назвали Дружок. Он бегаёт за нами по пятам и постоянно возится с нами.

Наши братья очень выросли и стали еще лучше. Андрюше уже семь лет. Он очень живой, веселый и храбрый; не боится никаких букашек, ни лягушек, ни мышей, ни коров. Он всегда помогает папе в хозяйстве и больше всего любит лошадей. Когда начнется сенокос, то мы тоже будем грести и возить сено в сарай. Я забыла тебе написать, что Андрюша очень любит столярничать, и когда у нас работают столяры или плотники, то он не отходит от них, и они дают ему свои инструменты и показывают, как надо работать. Он сделал нам с Лизой в подарок по ящичку и, право, для его лет очень даже хорошо. А для Павлуши он постоянно делает лопатки, дощечки и разные палки.

Как хорошо у нас в саду! Яблони, груши, сливы, вишни сплошь покрыты цветом. Издали кажется, что весь наш сад занесен снежком. А какой аромат, так бы, кажется, и не ушла оттуда! Сирень тоже цветет, и мы с Лизой нашли много счастья.

Я тебе еще забыла написать, что когда мы приехали домой, то у наших ворот увидели девочку лет шести с маленьким ребенком на руках. Ее зовут Варюшка, а ее брата -- Шурка. Подумай, такая крошка уже нянчит ребенка. Я подержала его пять минут, и у меня заболели руки. Мамочка очень жалеет